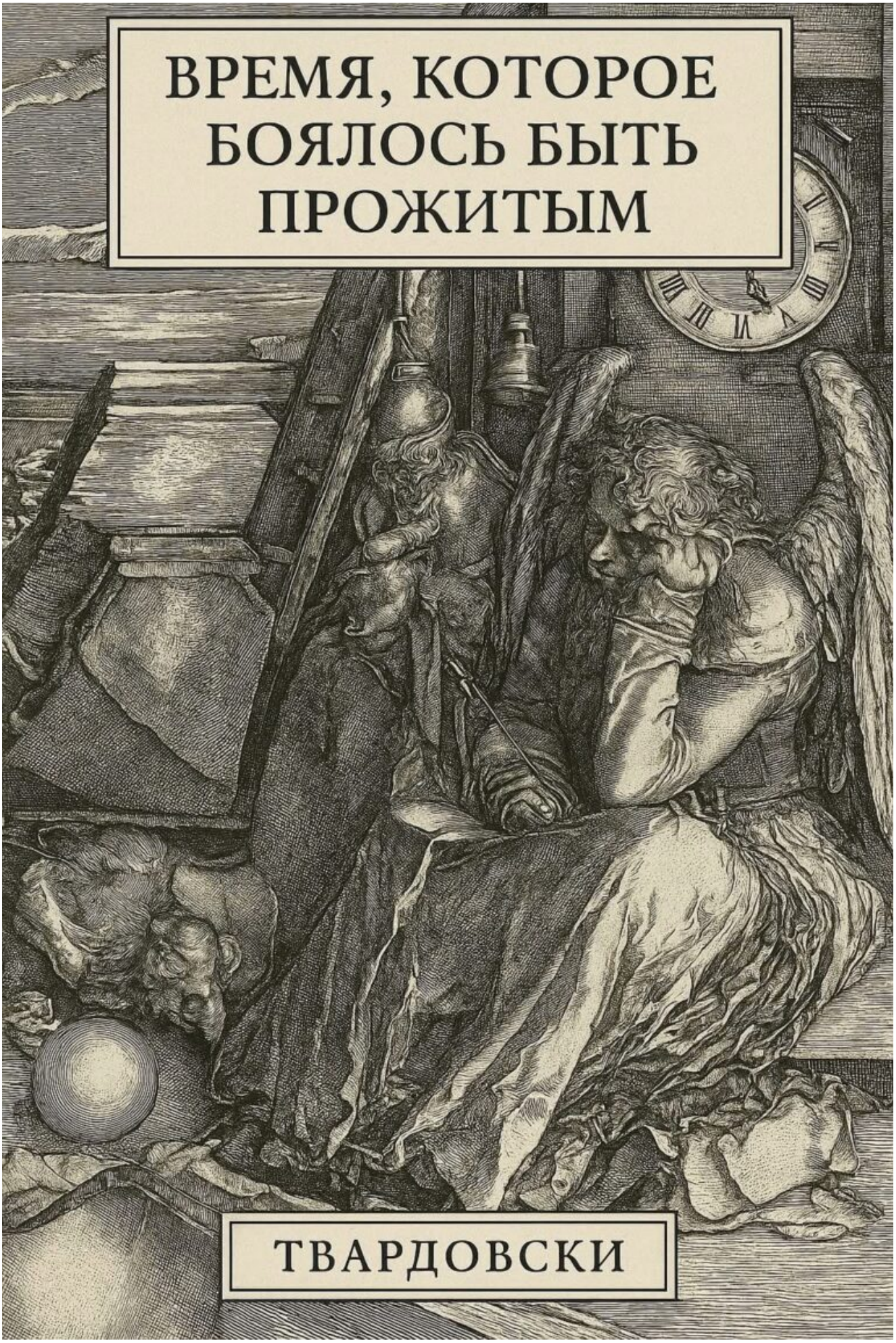
Время, которое боялось быть прожитым

ВРЕМЯ, КОТОРОЕ БОЯЛОСЬ БЫТЬ ПРОЖИТЫМ



ТВАРДОВСКИ

Иногда я замечаю за собой одну странную привычку. Если вдруг появляется свободная минута, вместо того чтобы вдохнуть её полной грудью, я хватаюсь за неё, как за мешок пустых банок, и начинаю греметь ими в тишине. Время выпадает из рук, когда не знаешь, как его удержать. Оно становится чем-то вроде мятой купюры, которую тебе дали случайно, и ты, не придумав, куда её потратить, суёшь её в первый попавшийся автомат с какой-нибудь гадостью. Лишь бы избавиться, лишь бы не держать в руках ответственность за возможность.

Вот этот типичный человек, которого я вижу каждый день в зеркале или в вагоне метро: он не знает, что делать со своим временем, и поэтому лезет в чужое. Как человек, которому скучно в собственном доме, и он идёт к соседу, садится в его кресло, пьёт его чай и рассказывает ему, как правильно жить. А если сосед не пускает — начинается зуд: ах ты какой, почему не хочешь со мной разделить то, что сам не умею ценить?

Свободное время — это не дар, это испытание. Потому что, когда у тебя его нет, всё просто: действуй! А вот когда оно есть, вдруг приходится смотреть себе в глаза. А там… эхо. Если не знаешь, зачем тебе собственная жизнь, пойдёшь тратить её в чужой.

Я однажды выиграл время. Тот редкий случай, когда поезд опоздал на час, и весь вокзал сидел в раздумьях. Кто-то ругался, кто-то листал ленту, кто-то звонил маме. А я… я пытался понять, что мне делать с этим часом. И вдруг понял: я свободен. В этом самом неприятном месте, с чемоданом под боком, я свободен. Могу сесть и написать письмо, могу просто смотреть, как воробей ворует крошки у бомжа. Могу молиться или молчать. А мог бы — убить этот час. И потом убить ещё один. И ещё.

Мы так боимся потерять время, что постоянно его экономим. А потом сидим с полным мешком сэкономленного времени, не зная, куда его деть, и убиваем его, как недоеденный хлеб, заплесневелый и никому не нужный. Прокрастинация — не от лени,

а от пустоты. Ты не боишься начать, ты боишься продолжать, если вдруг начнёшь.

Вот почему человек, не знающий, что ему делать со своим временем, неизбежно посягает на чужое. Он ворует внимание, он требует участия, он вползает в чужую жизнь советами и претензиями. Не потому, что он плохой. Потому что внутри него чёрная дыра времени. Оно засасывает всё вокруг, чтобы заполнить свою пустоту хоть чем-то — твоей жизнью, твоими мыслями, твоей болью.

А современный человек, бедняга, мчится куда-то с таким остервенением, как будто его догоняет сам Хронос с часами наперевес. Он спешит закончить работу быстрее, чтобы… что? Чтобы сесть и листать чужие жизни в смартфоне, убивая выигранные минуты? Чтобы набрать номер и сказать: «Ну расскажи, как у тебя дела», в надежде, что чужое время окажется более наполненным?

Нас учили экономить время, как будто это бензин в баке. Но время — это дыхание. Его нельзя запасти. Его можно только прожить. А если не знаешь, как дышать этим временем, задохнёшься даже в пустом поле, где тебе казалось бы — просторы.

Я однажды смотрел на бабушку, которая кормила голубей на скамейке два часа подряд. Два часа. И в этих двух часах было больше жизни, чем в моих днях. Она не убивала время. Она была с ним. Она знала, что делать со своей свободой. И поэтому её не тянуло трясти меня за плечо с вопросом: «А ты зачем здесь сидишь?»

Когда у тебя есть чем дышать, ты не крадёшь воздух у других. Когда ты знаешь, что делать с тишиной, ты не орёшь, чтобы заполнить её. Когда ты умеешь жить своё время, тебе нет дела до чужого.

А если не умеешь… ох, как много людей с этим не справляются.

Есть странная категория людей — их большинство — которые живут, как будто время им дано авансом и его нужно срочно куда-то девать, иначе сгорит. Эти люди убивают время, как мух на кухне: раздражённо, бессмысленно, по привычке. То, что убивают, не вызывает у них жалости. Они даже не задумываются, что это не время они убивают, а сами себя. Убийца времени всегда оказывается трупом собственных возможностей.

Средний человек озабочен тем, как бы убить время. Это его невидимый крестовый поход: он идёт против самого себя, не понимая, кого сражает. Он ищет развлечения, суету, шум, лишь бы не слышать, как тикает его собственная вечность. Он воюет с пустотой и проигрывает. Каждый раз. Смотрю иногда на таких — лица занятые, глаза ищут повод. Куда бы сбежать? За кофе? За сплетнями? За новыми впечатлениями, лишь бы не остаться один на один с этой страшной мыслью: жизнь-то идёт. А он не с ней. Он рядом. Он её убивает.

Талантливый человек иначе устроен. Он не убивает время, он его выращивает. Он садовник секунд. Он знает, что каждая минута может стать чем-то настоящим: словом, делом, тишиной, в которой рождаются смыслы. Талантливый человек не боится времени. Он с ним дружит. Он берёт его за руку, как ребёнка, и ведёт в сад, где можно что-то построить, написать, почувствовать, прожить. Он может сидеть молча часами, но это не убитое время. Это время, использованное для роста корней.

Средний человек убивает время, потому что оно кажется ему врагом, которого надо одолеть, чтобы получить заветный трофей — «вечер прошёл». Талантливый — использует его, как мастер использует свет, проникающий в мастерскую. Он знает, куда поставить холст, как расположить инструменты, чтобы этот свет работал на него. Потому что время всегда работает — вопрос в том, на кого.

Талантливый человек не обязательно тот, кто пишет картины или музыку. Он может чинить сапоги или чистить овощи. Но он делает это так, что каждое мгновение становится шагом в глубину.

Потому что он понимает: убитое время убивает его душу. А использованное время рождает жизнь.

Я видел однажды, как женщина мыла окно. Казалось бы, простое дело. Но в её движениях было столько тишины, столько света, что казалось — она открывает окно не только для воздуха, но и для чего-то большего. Она использовала это время не как наказание, а как возможность быть в моменте. И стекло вдруг стало прозрачнее обычного. Может быть, потому что она сама в этот момент была прозрачной.

Средний человек мечтает убить время. Талантливый знает, что время — это глина. Из неё можно слепить всё, что угодно. Но глину надо чувствовать руками. Её нельзя игнорировать или бояться. А если не лепишь — она сохнет. И становится бесполезной глыбой того, что могло бы быть чем-то живым.

Так и время. Убивать его страшно легко. Но оно потом придёт и скажет: «Ну вот, ты меня убил. А значит, убил и себя». И кто тогда будет в ответе?